

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари
- Гуннхильд, северная невеста
- Венец Прямыславы
- Тайна древлянской княгини
- МАЛУША. За краем Окольного
- МАЛУША. Пламя северных вод

Елизавета Дворецкая

МАЛУША

ПЛАМЯ СЕВЕРНЫХ ВОД

Москва 2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Малуша. Пламя северных вод / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-121990-1

Почти все, чего Малуша ждала от Святослава, — любовь, богатство, почет — ей дала ее прабабка, Сванхейд. В старинном княжеском гнезде бывшая рабыня-ключница превратилась в завидную невесту, вовлеченную в борьбу за власть и в гущу священных тайн. Но совсем забыть Святослава ей не под силу. От давних дней с ним ей остался ребенок — третий сын князя киевского. И когда Святославу придется вернуться сюда, чтобы сохранить власть над северной Русью, он узнает, что у него здесь есть незнакомый наследник...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121990-1

© Дворецкая Е., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Часть первая

Хорошей погоды хватило только до Купалий, а потом похолодало, то и дело с неба сеяло дождем. Мальфрид начала понимать, как отличаются эти края от привычной ей земли Полянской: жаркой, яркой и щедрой. Даже нивы здесь созревали на месяц позже. Если им удавалось созреть...

И у полян случались неурожайные годы, но там посевам грозили засуха или град. Здесь же, как ей рассказала Сванхейд, нивы нередко вымачивало. Реки поднимались от обильных дождей, подмывали близко стоящие избы. Иной раз Волхов вспухал так, что в Перыни собирали совет: решать, какой жертвой утишить гнев господина вод. После таких бедствий своего хлеба оратаям хватало лишь до первого снега. В годы более благоприятные — до Карачуна или до Медвежьего дня; это считались хорошие, сытые зимы.

Сразу после Купалий начался сенокос, но приходилось выбирать погожие дни, чтобы мокрое сено не сгнило. Мальфрид по привычке все ждала летней жары, но казалось, строгая мать заперла солнце дома и не выпускает.

— Лето будет? — иногда спрашивала она Бера. — Или здесь так близко от Ледяных гор, что солнце не может согреть эту землю?

— Ты же невеста Волхова, — отвечал Бер. — Попроси его, чтобы забрал назад всю эту воду и вернул нам солнце!

Близился Перунов день, и к этому времени ждали возвращения посадника Вестима. Когда с Волхова сошел лед, тот, как и всякую весну, отправился в Киев, чтобы отвезти собранную за зиму дань. За море в Царьград, куда ее продавали, ездили от князя особые торговые люди — этот порядок Мальфрид хорошо знала. Посадник, сдав привезенное, должен был вскоре отправиться назад. Мальфрид ждала Вестима с невольным волнением. Как ни пыталась она забыть свою прежнюю жизнь, все же мысли о Киеве, о тамошних княжеских дворах и всех их обитателях не могли стать ей безразличны. Когда она думала о них, ей казалось, что там, под жарким полуденным солнцем, и сейчас обитает прежняя Малуша, младшая ключница Эльги. Как они — княгиня и ее ближники? И как... Святослав? Живет-поживает со своей Прияной, а о недолгой забаве и думать забыл? Стараются не вспоминать, чтобы не вызвать недовольство жены и гнев матери? Мысли о Святославе уже почти не причиняли ей боли: слишком далеко позади она оставила прежнюю Малушу, да и жаловаться сейчас было не на что. Почти все то, чего она ждала от Святослава, ей дала Сванхейд.

Хотела ли она на самом деле его любви? За шитьем вспоминая те дни, Мальфрид уже не знала ответа. Любила ли она его? Или видела в нем средство вернуть утраченное и отомстить злой судьбе? Ей казалось, что любила. Но знала ли она, что такое любовь?

И знает ли теперь?

Так или иначе, разрыв со Святославом причинил ей величайшую боль, какую она испытала в жизни. Разделил эту жизнь, как разлом, надвое. Она стала другой, но совсем забыть Святослава не смогла бы, даже пожелай она того. От тех дней ей остался сын. Третий сын князя Киевского, о котором тот и сам не знает. . .

Накануне Перунова дня под вечер со стороны озера показалась вереница лодий. Вестим с дружиной проехал мимо Хольмгарда к Новым Дворам на другом берегу, на полтора поприща ниже по реке. К Сванхейд он не успел заглянуть, лишь прислал кланяться и передать, что у него все ладно и киевские новости он объявит в святилище.

Перунов день, иначе называемый Бараний Рог, — мужской праздник, женщин на него не допускают, поэтому Сванхейд и ее правнучка оставались дома. В Перынь отправились только Бер и кое-кто из мужчин Хольмгарда: старик Шигберн, его старший сын Торкель, кузнец Бергтор.

— Постарайтесь там получше угодить богам, — сказала Сванхейд, провожая их перед полуднем, когда мимо Хольмгарда уже тянулись к Перыни долбленки, лодки и лодьи. — Если они не пошлют нам ясного неба, нас опять ждет голодный год.

Для жертвы Перуну в святилище три года выкармливали красного бычка: там были свои луга и загоны для жертвенного скота. Отбором новорожденных бычков, ягнят и козлят тоже занимались жрецы и потом растили их нужное время. К концу лета зерна почти нигде, кроме самых богатых дворов, не осталось, но ячмень для пива на все годовые праздники Перынь собирала еще осенью, сразу после снятия урожая. Мужчинам предсто-

яли жертвоприношения, пир, состязания у края полей, призванные отогнать зло от зреющих нив.

Ожидая вечера, Мальфрид слонялась по старому валу и все глядела с вежи на реку — туда, где за сосновым бором пряталось невидное отсюда святилище. Наверное, Перун остался доволен жертвой, думала она: с утра небо хмурилось, но к полудню прояснилось и почти весь день светило солнце.

В земле Полянской в этот день часто бывает гроза, вспоминала Мальфрид. Там Святослав приносит быка Перуну на Святой горе, а княгиня поливает молоком жертвенник, чтобы смягчить ярость грозового бога и уберечь нивы от града и грозы. Там ведь бывало, что в грозу зрелая нива загоралась от молний. Мальфрид вздыхала тайком: неужели ей никогда больше не жить в тех теплых и щедрых краях? Вот здесь, над прохладным Волховом, пройдет ее жизнь? Над серым, как это небо, ложем властелина северных вод? При ясном небе Волхов был синим, и тогда казалось, словно под ногами лежит еще одно небо, но когда наверху мрачнело, он становился серым, и мерещилось, будто и там, над головами, течет холодная хмурая река.

Но вот наконец лодьи и долбушки потянулись со стороны Ильменя вниз по течению, а значит, священнодействия окончились. Завидев знакомые хольмгардские лодки, Мальфрид спустилась на внутренний причал и сразу увидела, что лица сидящих в них довольно хмуры.

— Ну что, ты видел Вестима? — Она пошла навстречу Беру. — Что он говорит?

— Видел я и Вестима, и еще кое-кого, — ответил Бер; следы жертвенной крови на лбу и на веках, которой мажут всех участников жертвоприношения, придавали

ему еще более сумрачный вид. — Пойдем. Я помоюсь и все расскажу.

С тех пор как Тородд, второй сын Сванхейд, уехал посадником в Смоленск, Бер жил один в отцовской избе. Подразумевалось, что он вот-вот женится и в доме снова появится семья, но с этим Бер не спешил, и у него отдельного хозяйства не водилось. Там он только спал, а ел за столом у Сванхейд. Там же, благодаря простору, зимой собирались парни и девки на супрядки — здесь, подальше от своих большаков, больше плясали, чем работали. Мальфрид, едва тут появившись, взяла на себя присмотр за пожитками дяди, сама шила и чинила ему сорочки и знала, где что лежит, лучше него самого. Как и многим мужчинам, Бери куда лучше удавалось выследить зверя в лесу, чем чистую сорочку в собственном ларе.

Бер пошел умываться, и Мальфрид увязалась за ним. После Купалий она старалась не «липнуть» к нему и вести себя сдержанно, даже оставаясь с ним наедине. Он, конечно, был прав, что не дал им сотворить такое, за что им пришлось бы отчаянно стыдиться перед Сванхейд, приведись ей узнать. И лишь иногда, ловя взгляд Бера, Мальфрид понимала: он жалеет об этом не меньше нее.

Мальфрид помогла ему умыться, поливая из ковша, пока он обмывал лицо, шею и плечи. Потную, пыльную и забрызганную кровью его сорочку она бросила у двери, чтобы потом отдать в короб на мытье.

— Что там случилось? — не удержалась она, видя, что хмурость не смылась с лица Бера заодно с жертвенной кровью. — Плохие знамения?

— Да уж куда.. тролль ему в Хель! — сорвался Бер, принимая от нее рушник. — Они там чуть не подрались!

— Кто с кем? — Мальфрид вытаращила глаза.

— Вестим с Сигватом.

— Сигват был?

— А как же, жма! Объявился, пес его мать!

После Купалий в Хольмгарде так и не увидели Сигвата. Сванхейд посылала за ним в Варяжск, но его не оказалось дома: куда-то отправился и был в разъездах весь этот месяц. Никто не знал, что это означало, и Сванхейд хмурилась, не ожидая от племянника мужа ничего хорошего. Его попытка раздобыть Мальфрид в жены для сына наводила на мысль, что Сигват затеял нечто значительное. Сванхейд беспокоилась, но пока не могла вмешаться.

— Он не присватывается ли опять?

Бер только вздохнул и не ответил, но Мальфрид поняла: это еще было бы полбеды.

Найдя в ларе чистую сорочку, Мальфрид усадила Бера и стала расчесывать его влажные волосы. Бер припал лбом к ее груди и замер, обхватив ее за пояс. Он дал себе слово быть благоразумным, но сейчас ему требовалось утешение. Мальфрид гладила его по волосам, ласково перебирая блестящие пряди, потом ее ладони скользнули ниже, на его шею, на плечи, под ворот новой сорочки... Она старалась даже в мыслях не выходить за пределы родственной нежности, но это было так трудно. Все ее существо томилось от жажды любви, и постоянная близость Бера не давала этим желаниям утихнуть. Лишь от мысли о чем-то большем у нее внутри вспыхивал цветок томительного влечения, от чего теснило дыхание.

Бер поднял к ней утомленное лицо.

— Мальфи... Я же тебя просил, не делай так... — тихим охрипшим голосом протянул он, хотя на лице его отражались те же самые побуждения.

— Я любое твоё желание уважу, — Мальфрид склонилась к нему, прикасаясь лбом к его лбу, — кроме запрета тебя любить.

Бер опустил веки, будто сдаваясь; на сегодня он уже устал от споров. Мальфрид с чувством поцеловала его; он ответил ей — куда полнее, чем прежде, — а потом решительно встал и направился к двери.

Когда они пришли в гридницу Сванхейд, там уже были Шигберн с сыном и кузнец Бергтор. Оба внука сели по бокам Сванхейд, и Шигберн положил руки на колени в знак готовности начать беседу. Этот старик, почти ровесник Сванхейд, человек опытный и надёжный, много лет назад ездил послом от Сванхейд в Царьград, а потом не раз возил туда товары от имени её и сыновей. Малуша неплохо знала Стейнкиля, младшего Шигбернова сына: тот уже двенадцать лет находился при Святославе. Торкиль, старший брат, остался дома с отцом и сейчас был сотским хольмгардской дружины.

Мальфрид ждала, что речь зайдёт о Сигвате, но Шигберн заговорил о другом.

— Вестим привез нам из Киева важные новости, — начал он, посматривая на Бера и будто приглашая его подтвердить, что рассказывает все верно. Будучи на сорок лет старше, боярин по привычке видел в старшем мужчине княжеской семьи своего вожда. — Он бывал у Святослава..

Как ни готовилась Мальфрид, а все же при звуке этого имени невольно вздрогнула и почувствовала себя очень неудобно. К счастью, на неё сейчас никто не смотрел.

— Святослав уже не первый год подумывает о походе на хазарских данников на Оке и на Дону. Но чтобы тягаться с каганом, нужны немалые силы. Стейнкиль

и его люди еще не вернулись, и в Киеве даже не знают, когда ждать их из Критского моря назад. Цесарь не отпускает их, но платит хорошо, они и не спешат возвращаться. Святославу нужны новые люди. Он приказал, чтобы со всех подчиненных ему земель к следующей весне собрали войско для похода на Оку. Здесь этим должен заняться Вестим, а также и от вас, — Шигберн кивнул на Бера, — как от родичей Святослав ждет помощи.

— Следующим летом Святослав собирается на Оку? — Сванхейд взглянула на внука. — На Волжский путь? Это совсем неглупое решение. Как по-твоему?

— Это решение недурно, — согласился Бер. — Если отнять у кагана его данников на Оке, это ослабит его и усилит нас.. то есть русь. Но не всем этот призыв нравится.

— Сигвату не нравится, — подхватил Торкиль, крупный мужчина со светлыми волосами и длинной рыжей бородой, на уровне груди перехваченной тесемкой. — Святослав велел собрать войско со всех подчиненных руси земель, то есть и с Луги тоже.

— А Сигват начал возмущаться, — не утерпел Бер, — говорить, что Святослав не имеет права отдавать ему приказы и распоряжаться *его* данниками. Вестим ему напомнил, что он, Сигват, хоть и получает дань с Луги, звания конунга не носит и должен подчиняться ему, князьему мужу. А Сигват ответил, что он родом ничуть не хуже Святослава, что он тоже внук Хакона конунга, имеет тех же знатных предков и никому не платит дани, а значит, равен Святославу и не намерен выслушивать от него приказов.

— А что Вестим? — спросила Сванхейд, слушавшая с таким видом, как будто оправдались ее худшие ожидания.

— Он, само собой, напомнил, что Олав отдал своему брату Ветурлиди лишь право сбора дани с жителей Луги, но не подарил самих этих жителей. Что там живут свободные люди и Сигват не может помешать им идти в поход со своим князем, если они пожелают. И что если Сигват не намерен звать людей в войско, то он, Вестим, сделает это сам. А Сигват сказал, что это его земля, как это была земля его отца, и что он никому не позволит там распоряжаться.. А потом..

Бер махнул рукой: ему надоело пересказывать перепалку, суть которой всем была ясна.

— А потом встали сразу Ведогость и Остронег и велели, чтобы они прекратили, — подхватил Торкиль, когда Бер замолчал, кривясь, будто ему приходилось жевать что-то невкусное.

— Что сказали старейшины?

— Вестим уговаривал их дать людей Святославу, обещал большую добычу — серебром, мехами, скотом и челядью. Призор вроде бы не прочь, как мне показалось. Его старший брат, Требогость, ходил на греков с Ингваром и привез хорошую добычу. Так что словенские могут поддержать Вестима. Остальные пока не дали ответа. Как всегда: надобно-де с родичами совет держать, суды судить и ряды рядить..

— Плохо то, что Храбровит против, — мрачно добавил Бер. — Он и еще кое-кто. Они говорят, что не видели своего князя уже двенадцать лет. Им неизвестно, можно ли доверять ему жизнь сыновей, насколько он храбр и удачлив в ратном поле..

У Мальфрид вырвался возглас изумления — как будто кто-то усомнился, что огонь жжет. Все оглянулись на нее, и она в смущении прикрыла рот рукой. Остальные приняли эти слова невозмутимо: они-то не прожили воз-

ле киевского князя несколько лет и не знали, что если древний Сигурд Убийца Дракона провел одну ночь с мечом в постели, то Святослав готов делать это каждую ночь.

— Что он не вправе, — продолжал Бер, — требовать от них проливать кровь где-то на Оке — там и не знает никто, где эта Ока, — если он уже двенадцать лет не приносил с ними жертвы. Что он не дает им ни суда, ни даров, не разделяет с ними хлеб и стал им совсем чужим. Держит их за смердов, с которыми связан только данью.

— И Сигват, конечно, горячо его поддержал?

— Ты так хорошо все знаешь, дроттнинг, как будто была там! — с мнимым восхищением воскликнул Бер.

Но насмешка его относилась не к бабушке, а к поведению Сигвата, которое легко было предсказать.

— А Храбровит ведь собирается отдать дочь за Призора сына? — Сванхейд вопросительно посмотрела на Мальфрид.

— Да, — кивнула та, вспомнив Весень. — После дожинок.

Уважаемые семьи старались не допускать браков украдом, чтобы их не заподозрили в желании избежать расходов на «красный стол», и устраивали свадебный пир после жатвы. Весень должна была выйти замуж еще год назад, но выбор Волхова вынудил ее задержаться в девах.

— Еще он его уговорит, — мрачно предрек Бер. — Храбровит Призора. А без согласия Призора и Перыни подбить кого-то на поход будет трудно. Придется столько даров раздать, что возместит ли нам их добыча...

Сванхейд вздохнула. Настроения Сигвата ей давно были известны, и требовался только повод, чтобы скрытое пламя вышло наружу. Тот раздор, который разгорался в Поозёрье прямо на глазах, значил для нее го-

раздо больше, чем будущий поход из Киева на далекий Волжский путь.

— Вестим обещал побывать у нас на днях, — добавил Бер. — Я ему сказал, что будем рады, и все как водится.

Сванхейд кивнула. В гриднице уже сгустились сумерки: на дворе темнело, но госпожа не приказывала внести огня: мрак вокруг отвечал мраку у нее на сердце.

— Что же, послушаем Вестима. Но вот еще что, — Сванхейд взглянула на внука. — Сдается мне, что если здесь все пойдет, как я опасаясь.. Святослав уйдет на Оку и без Вестима, и без тебя.

Мальфрид с тревогой взглянула на Бера. Она ждала, что он возмутится, но тот, судя по лицу, едва ли услышал бабку.

— А еще, — продолжая вслух свои мысли, Бер повернулся к Мальфрид, — Сигват все тыкал пальцем в небеса и вещал, что боги гневаются на Святослава за небрежение. Что они уже двенадцать лет не получают жертв из его рук и их терпение истощилось. Что эти двенадцать лет были не так уж обильны хлебом, а теперь у нас будет третье неурожайное лето подряд. Дедич ему напомнил, что толкование воли богов лучше оставить сведущим людям, но я боюсь..

Не договорив, Бер смотрел на Мальфрид. А она не решилась спросить — чего он так боится, если ему изменила обычная прямота?

* * *

Когда мужчины ушли, Сванхейд и Мальфрид еще немного посидели вдвоем. Обе молчали. Мальфрид не могла разобраться в своих мыслях — чего опасаться, на что надеяться? — но не задавала вопросов. О Свято-

славе она услышала не так уж много, но много ей и не требовалось. Несколько лет прожив в доме его матери, она очень хорошо представляла, как там все было: как обсуждали поход на Оку, как поручали дела боярам, как выдавали наставления посадникам. Для Святослава Луга, ее жители, получаемая оттуда дань — лишь крупинка. Он отдал приказ и ждет, что он будет исполнен, а как — не его забота.

Сванхейд сидела в густеющей тьме, задумавшись, хотя Ита уже стояла у двери спального чулана, давая понять, что постель госпожи готова. Никто не решался ее потревожить.

— Дроттнинг... — все же окликнула ее Мальфрид через какое-то время. — А нам нужен этот поход на Оку?

— Через Оку и Волгу лежат пути к булгарам, хазарам и на Гурганское море, в Серкланд. — От звука ее голоса Сванхейд очнулась. — Страну Рубашек. Задолго до Эльга Вещего русь стремилась туда, в те края, где много серебра, шелков, хорошего оружия, красивой посуды и прочего. Мы не случайно сидим именно здесь. — Она кивнула в сторону Волхова. — Поначалу люди проходили через эти места на Волгу и дальше. Еще лет двести назад, даже больше. И только потом появился путь к грекам. Но здесь, на Волхове, тот и другой пересекаются. В последние годы на Волгу ездят мало, и виной тому хазары, у кагана очень высокие пошлины, и в его державе давно уже неспокойно. Мало кто хочет туда, это невыгодно и опасно. Я не знаю, каковы дела у них на юге, но подбираться к кагану через малонаселенные леса явно проще, чем через степи, и со своими лесными данниками и союзниками хазары связаны куда слабее, чем с ясами и северянами. Их можно отсекать постепенно, и они не помогут

друг другу. Чем ближе русь подойдет к Гурганскому морю, тем больше пользы это принесет и нам здесь. Ведь от торговых пошлин Святослав забирает у меня только половину. Такой ряд я положила с Ингваром, и Святослав пока не заговаривал о том, чтобы пересмотреть договор, заключенный его отцом со *своей* матерью. Так что если он проложит путь на Гурган, в наши лари потечет вдвое, а то и втрое больше серебра. Но это легко сказать..

— Почему же Сигват не хочет в этот поход?

— Потому что он хочет быть здесь конунгом и не поддержит ничего, что исходит от конунга нынешнего.

— Но это просто глупо! — Мальфрид едва не засмеялась. — Разве он может тягаться со Святославом!

— Думает, что может. И если люди его поддержат... это будут не такие уж пустые притязания.

— А люди могут его поддержать? Словене? Разве это законно?

— Странная ты девушка. — Сванхейд тихо засмеялась. — Законно ли это! Здесь не всякий старейшина задумается, насколько законно то или другое. Они живут «как спокону водилось», и надо немало постараться, чтобы заставить их соблюдать тот закон, который принес им князь. А Святослав не думает об этом.

— Но разве покон поддерживает Сигвата?

— Нет. Звание конунгов осталось у старшей ветви рода, у Олава и его потомков. Ветурлиди никогда не звался конунгом. А из всех потомков Олава право на власть сохранено только за Ингваром. Святослав — его единственный законный наследник. Если словене изберут другого князя, они нарушат ряд, который держался полтора года. Я надеюсь, они не будут так безрассудны. Но Сигват в чем-то прав. Святослав двенадцать

лет не приносил жертв нашим богам. Боги забыли эту землю, а значит, ему не стоит удивляться, если люди забудут его.

— Этого не стоит делать! — Мальфрид вгляделась сквозь тьму в лицо прабабки. — Они не знают Святослава. Ни Сигват, ни другие здешние. Не стоит вызывать его гнев. Встать у него на пути — все равно что пытаться голыми руками сдержать бегущего вепря. Он растерзает их. Я видела. . . Мне было всего пять лет, когда погибла земля Деревская. А потом я видела гибель и других. Дреговичей, бужан, лучан, волынян. Надо поговорить с людьми. Убедить их, что, если они не желают смерти и разорения себе и детям, нужно сделать то, чего Святослав от них хочет. Это же счастье для них — что он сюда не ходит!

Сванхейд подумала и вздохнула.

— Святослав и впрямь сильно виноват перед людьми и богами. Словене его совсем не знают. Боюсь, что из всех здешних только Вестиму и тебе известно, как он опасен для врагов. Но кто будет вас слушать? Вестим — его слуга. А ты. . .

У Мальфрид оборвалось сердце из-за этой заминки. Уж не узнала ли прабабка. . .

— Ты — девушка. Тебе не пристало даже говорить об этих делах ни с кем, кроме своей старой бабки.

Мальфрид помолчала. Здешним людям и невдомек, насколько хорошо она знает киевского князя. Но как бывшая его хоть она не дожидется внимания к своим речам. А вот если. . .

— Но дроттнинг. . . — сквозь сумрак Мальфрид бросила взгляд на кольцо Волха у себя на пальце, — а звание невесты Волха. . . не дает мне права говорить о том, что мне известно?

— Ох! — Сванхейд встала и, проходя к спальному чулану, потрепала ее по голове, как ребенка. — Невеста ты! Оттого-то мне и ночь не спать..

Мальфрид не поняла ее, но Сванхейд ушла, ничего больше не добавив.

* * *

Утро Мальфрид провела в хлебной клети. Челядинцы мололи зерно, а она следила за работой и помогала просеивать муку. Часть грубого помола снова шла в жернова, а часть оставляли на похлебку. Сейчас, когда в волости начали поговаривать про третий неурожайный год, ни одному зернышку ржи нельзя было дать пропасть. Вчера Сванхейд сказала, что если урожай будет такой же худой, как в прошлом году, то придется посылать за хлебом на юг — запасов не хватит до нового лета.

Здесь Мальфрид нашел отрок, присланный с приказом от Сванхейд: налить пиво в кувшин, одеться и идти в гридницу подавать. Едут гости. Посмотрев на себя — мука даже на бровях! — Мальфрид побежала умываться, не спросив, что за гости. Мельком заметив среди вошедших у ворот красную с золотом шапочку посадника Вестима, спряталась за угол и подождала, пока пройдут. Теперь ей негоже людям в таком виде показываться, она уже не ключница-рабыня!

Сперва надо было наведаться в поварню: распорядиться, что поскорее подать. Умывшись, Мальфрид переменяла простую сорочку на нарядную, синюю, надела светло-голубой хенгерок с отделкой серебряным тканцем и желтым шелком. Хоть сейчас и не пир, но посадник — уважаемый человек, внушала она себе. Но знала: дело в другом. Вестим, явившийся почти прямо

из Киева, сейчас олицетворял для нее сам Киев. Она волновалась почти так же, как если бы в гриднице сидел в ожидании пива боярин Острогляд, или Болва, или Одульв, или Лют Свенельдич. Кто-то из прошлой жизни, перед кем никак нельзя ударить лицом в грязь! Принялась расчесывать кос у — от волнения запутала гребень в волосах. Пришла Провора, отобрала гребень, велела сидеть смирно, стала сама ее чесать.

Колосок поднялся с расстеленной медвежины, где играл, и поковылял к ней, держась за лавку. На последних шагах он отважно оторвался от опоры, шагнул два-три раза и с радостным криком упал Мальфрид на колени. Она подхватила его, удерживая, однако, на полу — светло-голубую шерсть было слишком легко замарать. Дитя смеялось, показывая два первых зуба, будто зернышки, и Мальфрид смеялась с ним заодно. Колосок быстро рос и был крепок, а личико его, в окружении золотистых волосиков, казалось ей светлым, как солнце. И не подумаешь, что родился он в мрачной дебри, будто в бездне...

Но вот наконец она, совсем готовая, прошла через двор по мосткам к гриднице. Служанки уже принесли пиво и поставили кувшин на край стола. Мальфрид вошла и обнаружила, что все же опоздала: чаши стояли на столе, ожидая живительного дождя, а у хозяйского края слышался оживленный говор.

— Я не стал объявлять этого при словенах, но тебе скажу, — услышала она суровый голос Вестима, — пока еще не поздно избежать губительной ошибки...

Но не успела Мальфрид удивиться, к кому это он обращается так жестко, как заметила напротив посадника, по левую руку от Сванхейд, сидящего Сигвата. Даже застыла на месте от изумления. А этот откуда

взялся? Сванхейд не говорила, что ждет племянника. Однако вот же он, в нарядной синей рубаше и в красном плаще, заколотом на боку крупной позолоченной застежкой с самоцветными камнями — греческой работы. Греческим же шелком была обшита его синяя шапочка на длинных, слегка волнистых светлых волосах.

Хозяин Варяжска, сейчас чуть менее сорока лет, был вторым сыном покойного Ветурлиди и получил наследство после старшего брата, Фасти. Еще три младших брата жили с ним. Двадцать лет назад Фасти и Сигват ходили на греков вместе с Ингваром и побывали под «греческим огнем», о чем и сейчас еще Сигват любил рассказывать на пирах.

— Не следует тебе думать, что если вы с князем в родстве, то он не помнит о своих правах или позволит родичам их не соблюдать, — продолжал Вестим. — Во всей Русской земле, от Варяжского моря до Греческого, князь только один — Святослав, Ингорев сын. Все прочие, родня они ему или не родня, лишь его бояре, его слуги. И он не допустит никакого своевольтва и никакой попытки противиться его замыслам. Ты владеешь правом собирать дань с Луги. Но если ты не соберешь с нее войска, то и дани ты лишишься. Святослав желает быть полным хозяином во всех своих землях и будет.

Приблизившись плавным неслышным шагом, Мальфрид наполнила пивом чаши и рога — Вестиму, Сигвату, его брату Исольву, Беру, Шигберну, Торкилю и Храбровиту, не пролив ни капли на стол или на колени сидящим. Захваченные разговором, гости ее не заметили, лишь Вестим коротко кивнул в благодарность. Присутствие Храбровита несколько удивило Малфу —

словене не бывали у Сванхейд запросто, — но потом она взглянула на Сигвата и догадалась: тот его и привел.

— Ты слышала, хозяйка? — Сигват обратился к Сванхейд и даже слегка выставил палец в сторону Вестима. — Твой киевский внук, а мой брат Святослав нас всех уже объявил своими холопами!

— Он назвал вас своими боярами, это я слышала. Если не вовсе оглохла под старость.

— И он тебе не брат, — пробурчал Бер себе под нос.

— Не велика честь зваться боярами, но быть бесправными, как холопы! Кто же я буду, если стану рабски повиноваться любому приказу!

— Не знаю, кем ты будешь зваться, когда князь отнимет у тебя Лугу, — сказал Вестим. — А это он сделает. Он давно уже поклялся, что на его земле больше не будет никаких других конунгов. А Святослав держит свое слово.

— Вот, вы слышали! — Сигват обвел пальцем присутствующих с видом мнимого торжества, как будто был доволен прозвучавшим. — Святослав отнимает у меня наследие моих дедов и ждет, что я пойду ему служить, как голодранец с нищего хутора! А чем он лучше меня? По отцовской ветви мы происходим из одного и того же знатного рода! И моя мать тоже не на причале куплена! Святослав уже отнял у меня треть лужской дани, когда занял стол, хотя мой отец получал ее целиком!

— Твоему отцу ее дал родной старший брат, — напомнила Сванхейд. — Это был его братский дар! Но Полужье осталось под властью княжеского рода, и Святослав имеет право распоряжаться в нем, как пожелает!

— Он не может отнять у меня то, что не он дал! И если у него такие замашки, я не удивлюсь, если он на этом не остановится. Вот ты, хозяйка! Вы имели пол-

ную дань с Гардов, ты еще помнишь это, когда был жив дядя Олав! Тебе осталась от нее десятая часть! Вздумай перечить в чем-нибудь Святославу, и он отнимет у тебя и ту малость! Что ты, женщина уважаемая, оставишь в наследство внуку — эти застежки? Ах нет, тебя же в них похоронят!

— Родич, опомнись! — Бер, давно уже скаливший зубы от негодования, больше не мог молчать. — Рано тебе распорядиться похоронами дроттнинг!

— А тебе странно было бы его защищать! — накинулся на Бера Сигват. — Если бы не он, то ты сам был бы сейчас конунгом Гардов!

— Мой отец, — по привычке поправил Бер.

— Ах, ну да. Тородд ведь еще жив. Я так давно не видел моего брата, что уже и забыл о нем. Вот, сам видишь: почему твой отец покинул родные края, могилу отца и жены, уехал куда-то к йотунам? Зачем? Может, ему самому так захотелось? Может, он завоевал там земли и правит ими? Нет, он уехал не по своей воле и собирает там дань для племянника! Тоже собирает чужую дань! Как вы все здесь. Там он и умрет, если Святослав не соизволит иного, и будет погребен вдали от всех родичей.

— Ты решил всех нас нынче похоронить! — Сванхейд засмеялась.

Давно зная, что изжила свой век, она не боялась разговоров о смерти.

— Довольно этих речей! — Вестим допил пиво и поставил чашу на стол. — Я искренний друг тебе, Сигват, хоть ты мне, может, и не веришь. И как друг я тебе даю совет: не позволяй Святославу заподозрить, что ты ему враг. Он не двинется на Оку и на хазар, оставив врага у себя за спиной. И если ты не пойдешь в поход

под его стягом, то ко времени начала похода никакого Сигвата здесь не будет.

— Это тебе поведал сам Один во сне? — Сигват вскочил с негодующим видом.

Пристрастившись говорить о чужой смерти, слышать о своей он вовсе не желал.

— Нет. Просто я всю жизнь прожил рядом со Святославом и хорошо его знаю. Спасибо за пиво, госпожа. — Вестим поклонился Сванхейд и, обернувшись, кивнул Мальфриду. — Лучше мне сейчас уйти, пока не дошло до непоправимого. Но у тебя-то хватит ума понять, кто здесь губит себя своим неразумием.

Посадник вышел. Сигват, проводив его глазами, снова сел. Мальфрид еще раз налила всем пива: не участвуя в беседе, остальные имели время свое выпить.

Несколько мгновений все молчали. Мальфрид подавила вздох: она поняла Вестима лучше всех присутствующих. Между ним и ею имелось кое-что общее: Вестим тоже был сыном погибшего князя, Дивислава ловацкого, чьи земли отошли к захватчику, Ингвару, а дети попали в заложники и выросли при дворе победителей. Двадцать шесть лет назад род Вестима был сметен и уничтожен напирательной русью, а теперь он видел, как ту участь себе готовит варяжский род, старейший и знатнейший на славянских землях.

Бер косился на двоюродного дядю, сердито раздувая ноздри, но молчал, обуздывая гнев в присутствии старших. Мальфрид застыла у края стола, тихонько поставив на него кувшин и делая вид, будто она здесь только ради пригляда за угощением. Сердце у нее сильно билось. В речах Вестима она увидела и услышала Святослава как живого. Может, посадник и не повторил его точные слова, но очень полно донес его непреклонную решимость.

мость поступать по-своему и не потерпеть ни малейшего неповиновения своим замыслам, ни малейших препятствий на пути к победам и славе.

— Сигват, я тебя не узнаю, — удивительно мягко произнесла наконец Сванхейд. — Ты ходил с Ингваром на греков. Бывал в боях и покрыл себя славой. А теперь, когда есть новый случай пойти в такую же богатую страну, добыть славу для себя, братьев или сыновей, привезти добычу и возвысить свой род, ты почему-то противишься! Многие люди двадцать лет дожидаются такого случая, а ты сам отталкиваешь ложку ото рта!

— Свободный человек сам решает, когда нести ложку в рот и что в нее положить, — ворчливо отозвался Сигват. После ухода Вестима он старался взять себя в руки и принять учтивый вид. — А если он доверяет это другим, то чего и дивиться, если в ложке окажется кусок.. кое-что невкусное.

— В делах войны Святославу можно доверять, — заверил Шигберн. — Он еще так молод, но у него за спиной столько побед! Древляне, волыняне, другие южные племена. Боги любят его. Он обретет славу, и всякий, кто последует за его стягом, войдет за ним и в Валгаллу.

— Я не желаю, чтобы меня тащили в Валгаллу на веревке! — Сигват опять начал злиться. — Я не баран! Я равен ему родом, а если не равен положением, то это не моя вина и не моего отца! — Он бросил взгляд на Сванхейд, в котором мелькнуло осуждение. — Ингвар захватил Киев благодаря своей женитьбе — так чего он не удовлетворился этим! Если бы он оставил Гарды братьям, как сделал бы всякий разумный человек..

— Хватит об этом, Сигват! — Сванхейд нахмурилась и подняла руку, унимая его. — Прошлого не переменишь.

— Хорошо. Пусть. Мы не изменим прошлое, но пока еще, слава богам, в наших руках достойно устроить свое будущее. Самим, так, как нравится нам, а не какому-то... удалцу, которого мы не видели в лицо уже двенадцать лет.

— И как же тебе нравится? — не без вызова полюбопытствовал Бер.

— Мы все с вами — один род. — Сигват посмотрел на него и на Сванхейд. — Нас здесь осталось не так много. Но у нас есть поддержка. Мои родичи по матери — разумные люди, — он взглянул на Храбровита, — да и другие тоже понимают, как нужно защищать свою волю.

— Дань мы платим, такой ряд положен, — кивнул Храбровит. — Но чтобы сынов своих куда попало посылать, такого уговору не было у нас. Где та Ока, на кой леший она нам сдалась? Сгубят там парней, вот и весь сказ! Почем я знаю, что он за князь? Мы ему дань даем — а он нам что? Верно боярин говорит — за холопов нас держат.

— Тебя, госпожа, уважают везде, — снова обратился к Сванхейд Сигват. — И словене, и варяги. И в Свеаланде, и в других краях. Даже Святослав тебя уважает. Если мы все будем держаться вместе, то нас не так-то легко будет принудить ни к чему, что нам не нравится. Но спасение наше в одном — в единстве.

— Чтобы иметь единство в делах, нужно иметь единство в мыслях, — заметила Сванхейд. — А ты, я смотрю...

— Нам легче будет прийти к единству в мыслях, если мы поймем, что в этом наше спасение. А уж тогда, если Святослав будет знать, что все люди в Гардах заодно и знают свои права.. Ему придется говорить с нами

по-другому! И не принуждать нас, как рабов, грозя отнять последнюю корку...

— Сигват, чего ты хочешь? — Сванхейд уже устала от этой беседы. — Говори прямо, я бестолковая старая женщина...

— Я хочу того же, что уже получали другие знатные люди в схожем положении. Скажи-ка, родич, — вдруг обратился Сигват к Беру. — у твоей матери ведь были сестры?

— Само собой. — Бер так удивился от перемены разговора, что не сразу нашелся с ответом. — Две... нет, три. Одна сводная. Самая старшая — от другого отца. Которая боярыня будгощская.

— Она нам сейчас не нужна. Назови-ка мне родных сестер твоей матери.

— Эльга, княгиня киевская. И Володея, княгиня черниговская.

— А когда она вышла замуж, ее муж уже был черниговским князем?

— Да... нет! Когда она выходила замуж, он был воеводой. Посадником. А князем Грозничар стал между первым и вторым походом на греков.

— Как ты мыслишь — почему? — Сигват склонил голову набок.

— М-мм, этого я не знаю точно. — Бер взглядом попросил помощи у Сванхейд.

Мальфрид могла бы оказать ему эту помощь, но ее никто спросить не догадывался.

— Я сам скажу тебе. Для нового похода на греков Ингвару были очень нужны союзники. Люди, способные дать войско. И он знал, чем покупать любовь и доверие. Он признал за Грозничаром звание князя, тем более что тот был его свояком. И они собрали хорошее

войско, так что для победы им не пришлось идти дальше Дуная. Разве Ингвар глупо поступил? Он получил огромную добычу и прочие выгоды без единого сражения! Не потеряв в бою ни одного человека! Святослав умно сделал бы, если бы пошел тропой своего отца. И ты, госпожа, как его бабка, женщина королевского рода.. — Сигват остановился перевести дух, — ты, которой он обязан своим положением князя.. всего этого, — он обвел рукой вокруг себя, — а не одного только Киева, как было бы справедливее.. Ты могла бы дать ему мудрый совет.

Сванхейд подумала, пытаясь понять, в чем этот совет должен заключаться.

— У Святослав же есть сестра? — Она посмотрела на Мальфрид как наиболее осведомленную в этих делах.

Все прочие тоже повернулись к девушке.

— Есть. Браня. Бранеслава. Ей сейчас должно быть.. — Мальфрид прикинула, сколько времени прошло, — лет двенадцать. Она родилась в год после войны со смолянами. И за год до Ингорево́й смерти.

— Сигват, уж не сватаешься ли ты за эту девочку? — Сванхейд недоверчиво покачала головой.

— Так далеко я не заходил.. — Тот был озадачен; похоже, он и не знал, что у Святослава имеется сестра.

— Ну а куда же ты заходил? — нетерпеливо спросил Бер.

— Мы достигли бы цели, если бы ты, госпожа, отдала в жены моему сыну вот эту девушку. — Сигват указал на Мальфрид.

Та слегка вздрогнула от неожиданности, но тут же вспомнила поединок купальским вечером. Крик толпы, Доброта, задницей вверх висящий в руках у Дедича..

Искаженное от усилия, покрасневшее лицо жреца, вздувшиеся мышцы плеча...

Приоткрыв рот, она взглянула на Бера, и тот сам все вспомнил.

— Вот почему вы бились за нее на Купалиях! — воскликнул Бер. — Ты уже тогда все это придумал, да?

— Но от Святослава не было ж еще вестей! — удивился Шигберн.

— К чему дело-то идет, было ясно, — заметил Бергтор.

— Послушай меня, госпожа! — Сигват повысил голос. — Да, я давно понял: рано или поздно нам придется биться за свою свободу. Если ты отдашь внучку за моего сына, мы вновь станем одним родом, и всем будет ясно: мы ценим свое единство, свои старинные права и не намерены никому их уступать!

Никто ему не ответил. Трудно было что-то возразить против уважения к своему роду и правам, и в то же время Мальфрид ясно видела по лицам Сванхейд, Бера, Шигберна и даже Торкиля, что среди них нет сторонников этого брака.

— Сейчас нет смысла обсуждать ее замужество, — сказала Сванхейд. — Мальфрид — невеста Волха и не сможет выйти замуж еще почти год.

— Но мы могли бы обручить их.

— Разве обычай позволяет невесте Волха обручаться? — Сванхейд взглянула на Храбровита.

Тот покачал головой:

— Если раньше была девка сговорена, тогда ничего. А коли Волх уж выбравше ее, тогда ждать надобно. От простого-то жениха не обручают, то чести противно. А уж от этого...

Старейшина снова покачал головой, не веря, что может найтись столь дерзновенный глупец.

Сигват с досадой поджал губы: его подвел собственный союзник.

— Но мы могли бы.. договориться с тобой, госпожа, что это обручение будет заключено, когда выйдет срок..

— Прости, родич! — Сванхейд вздохнула и утомленно опустила веки. — Я — усталая старая женщина. Для меня слишком много новостей на один день. Мы поговорим об этом позже. Но кое-что я могу сказать тебе и сейчас. В нашем роду не принято отдавать де-ву за человека, который еще ничем себя не проявил. А твой сын пока..

— Вот ему бы с князем и пойти, — подхватил Шигберн. — Сходил бы в поход тем летом, прославился бы, а тем временем и срок девушке выйдет. Тогда брак был бы приличный, никто нас не осудил бы..

— Я вижу, — Сигват поднялся на ноги и упер руку в бок, — что ты, госпожа, не расположена к разумному соглашению. Ты ищешь способ отклонить мое предложение, а не принять. Ты вольна в себе и своих детях. Но вот что я тебе скажу... Как бы тебе не пожалеть о своем..

— О чем? — с тихим вызовом спросил Бер. Он изо всех сил старался не выказать неуважения к старшему родичу, но Мальфрид видела, что поведением Сигвата он взбешен. — О чем своем?

— Вы пожалеете о своем упрямстве еще до конца этого лета! — повернулся к нему Сигват, не смея бросить упрек самой Сванхейд. — Еще до жатвы! Вот что я вам скажу! И тогда вы вспомните, какой достойный и для всех почетный выход я вам предлагал!

Когда Сигват с братом и Храбровитом удалились, оставшиеся некоторое время молчали. у Сванхейд был

утомленный вид, у Бера — злой, а остальные пребывали в тревожной растерянности.

— Вот что, госпожа, — наконец подал голос Торкиль. — А не послать ли тебе в Ладугу к Ингорю? Он человек умный. Пусть хотя бы знает, что у нас тут за дела.

— Ингорь ладожский? — Сванхейд подняла бледное лицо.

— Вестим сам к нему пошлет, — заметил Бер, еще не остыв. — Ему ведь тоже войско собирать.

— Но обсудить с ним эти дела было б не лишним, — поддержал Бергтор. — Да и дружина его... тоже пригодится, если что.

— А давайте-ка я к нему съезжу! — оживился Бер. Ему хотелось немедленно сделать хоть что-то. — Поговорим, чего он скажет? Будет Сигват знать, что Ингорь ладожский на нашей стороне, может, поумерит пыл свой.

— Когда ты хочешь ехать?

— Да хоть сейчас. Чего тянуть?

Сванхейд подумала немного.

— Пожалуй, вы правы. Поезжай к нему. Но только, — она перевела дух, устав от тревог, — не задерживайся. Я уже не та, что прежде. Мне хочется иметь при себе мою главную опору.

— Не тревожься, дроттнинг. — Бер подошел к ней, встал на колени и коснулся лбом колен Сванхейд. — Чего рассиживаться, не йоль ведь. Через три дня буду на месте, дней в двенадцать туда и обратно обернусь.

Сванхейд ласково опустила иссохшую морщинистую кисть на его светлые вьющиеся волосы — наследство всех мужчин семьи. Сквозь печаль и нежность на ее лице читалась некая мысль, направленная к чему-то очень далекому. Возможно, и она сейчас думала о восьмерых сыновьях, которых произвела на свет. Хакон,

Бьёрн, Ингвар, еще Хакон, Тородд, еще Хакон, Эйрик, Энунд. Что, если бы все они были сейчас живы и не разлетелись по свету? Судьба рода тогда сложилась бы иначе. Но и единственным бывшим при ней внуком она могла гордиться — Бер без колебаний в одиночку подставлял плечи под нелегкий груз.

* * *

Мальфрид стояла на речной веже, глядя на реку. На-крапывал дождь, и она придерживала на груди края большого серого платка из грубой шерсти. Бер уехал четыре дня назад, сейчас идет пятый. Вернее, не идет, а ползет улиточьим шагом, спотыкаясь о каждую песчинку. Она отчаянно скучала по Бери — без него весь Хольмгард опустел. Мальфрид находила себе разные дела по хозяйству, надеясь отвлечься, но помогало слабо. Когда перемеришь остатки зерна, кажется, что дней семь миновало за этим делом, а оглянешься — день все тот же.

Бер уже в Ладоге. Вниз по Волхову туда пути дня на три-четыре. Задерживают пороги, но река поднялась от дождей, а у Бера с собой почти никакого груза, кроме обычных дорожных пожитков и припасов, — пройдут легко.

По Волхову ползла в сторону озера большая лодка. Мальфрид узнала ее: из Унечади. Как и все здешние жители, она уже знала многие лодки из прибрежных селений. Старейшина Стремислав отправился в Перынь? Зачем? Сегодня никакого торжества не ожидалось. Но мало ли какое у него дело?

«И у Лубенца тоже?» — подумала Мальфрид, вспомнив, что чуть ранее видела лодку из Гремятицы. С чего

это они все туда потянулись? Если в Перыни назначались советы или жертвоприношения, оттуда рассылали гонцов по всем селениям, и к варягам тоже. Но никто из Перыни не приезжал, в этом Мальфрид была уверена.

Кое-что прояснилось на следующий день, но Мальфрид не знала об этом. Она видела, как Белава, скотница, провела к Сванхейд оратая из Конищей, одного из тех, что приезжал забирать навоз для своих полей, ну так и что?

— Ты госпожа добрая, мы одного добра от тебя сколько лет видевшие, — говорил мужик, стоя перед Сванхейд и потирая только что вымытые руки. Опасаясь, что от него несет навозом, он стеснялся подходить к ней ближе, чем на три шага, и Сванхейд приходилось тянуться вперед, чтобы как следует разобрать запинаящуюся речь. — Отец мне сказал: ты как поедешь, Лыкоша, за навозом, так ты скажи хозяйке-то.. Чтобы ей, стало быть, ведать..

— Что просил передать мне твой отец? — подбодрила его Сванхейд.

— Звали вчера в Перынь, от Храбровита к нам присылали, и отец, стало быть, ездивше. Мы-то сено убиравшие, благо разъяснилось, пока подсохше, а он ездивше..

— В Перыни вчера собирались люди?

— Отцы все собирались, да.

— И о чем там шел разговор?

— Об жатве, стало быть. Худо дело. Вымочит нас опять, сам-два соберем, как жить будем? Корьем питаться. И Храбровит речи такие вел, что, стало быть, надобно жертву Волху.

Сванхейд переменялась в лице. Будто холодным ветром вдруг потянуло среди хмурого, но довольно теплого дня.

— Такое, говорит, дело, что третий год хлеб не родится. Гневен, стало быть, отец наш. Желает невесту свою.

— Храбровит предложил отправить к Волху его невесту, чтобы тот унял дожди и послал урожайный год?

— Истовое слово молвивше, госпожа.

— И что люди решили? — невозмутимо спросила Сванхейд, будто ее это не касалось.

— Ведогость сказал, будет волю богов пытаться. Как будет день хороший, так он и визнает, угодно то Волху или нет. Может, иной какой жертвы желает господин? Оно ведь такое дело, — мужик с доверительным видом подался к Сванхейд, — доведись до меня, я бы вместо девки лучше коня доброго взял. А то наш старый уже, бредет-спотыкается, хоть сам в соху да борону впрягайся. Может, и ему бы коня лучше, чем девку. Ну так отец мне говорит: ступай, Лыкоша, скажи госпоже. Как там ни рассудят, а ей знать бы следовало...

— Поклонись от меня отцу, передай: я благодарна. — Сванхейд спокойно наклонила голову. — Я дружбы вашей не забуду, коли буду жива.

Отпустив мужика, Сванхейд еще долго сидела одна. Уже пришла Мальффрид подавать ей обед, а старая госпожа все молчала, думая о чем-то своем. Мальффрид, у которой тоже сумрачно было на душе, не стала ее тревожить разговорами.

Вечером Сванхейд велела позвать к ней ее обычных советчиков, но Мальффрид отослала, придумав какое-то дело. Управившись, Мальффрид больше не выходила и легла спать. В обычные дни она, уложив Колоска,

долго сидела или бродила с Бером, который редко от-
правлялся в постель до полуночи (ему ведь не надо было
вставать на заре к коровам), но без него ложилась почти
вместе с чадом, чтобы этот день поскорее кончился.

* * *

Назавтра, к удивлению Мальфрид, к ним вновь явил-
ся Сигват. Сванхейд встретила его без удовольствия, не
ожидая от гостя ничего доброго.

— А где же твоя внучка? — В гриднице Сигват огля-
делся. — Неужели ты, госпожа, так сердита на меня, что
даже не хочешь угостить пивом с дороги?

Сванхейд кивнула служанкам, чтобы позвали Маль-
фрид. Явившись с кувшином, та обнаружила, что Сиг-
ват привел с собой и брата Исольва, и старшего сына.
Доброта при виде нее встал и поклонился со своей
обычной приветливой улыбкой. Мальфрид заставила
себя улыбнуться в ответ, но на сердце стало тревожно.
Лица Сванхейд да и нарочито оживленного Сигвата не
обещали добрых вестей. Никогда прежде его светло-се-
рые, как грязный лед, глаза навывкате не казались ей
такими неприятными.

Тем временем вошли Шигберн и Торкиль. Ответив
на их приветствие, Сигват еще некоторое время смо-
трел на дверь.

— А где же твой внук, госпожа?

— На лову, — обронила Сванхейд. — Сегодня я не
жду его домой.

Бер взял с собой лишь десяток оруженников, и его отъ-
езд вниз по Волхову не привлек ничьего внимания.

Вошел Бергтор — рабочую рубаху и передник он на-
скоро снял, одевшись в чистое, но руки его с крупными

кистями оставались черными. Копоть железа так прочно въелась в кожу, что даже в могилу он ляжет со всеми своими орудиями и с такими вот черными руками.

— Жаль, — заметил Сигват. — Нам пригодился бы его совет. Раз уж он остался старшим мужчиной в твоей семье, госпожа...

Мальфрид заметила, как при этих словах переглянулись Исолвь и Доброта: они этого сожаления явно не разделяли. Легко было понять почему. Если уж Сигват привел сына, значит, опять речь пойдет о сватовстве. А для его домочадцев не составляло тайны, что Бер — непримиримый противник этого замысла.

— Придется нам обойтись без него — откладывать такие новости неразумно.

— Какие же новости ты привез?

Сванхейд выжидательно смотрела на племянника, подперев щеку рукой. Но в глазах ее было скорее ожидание неизбежного, чем любопытство: госпожа уже знала самое важное.

— На днях жрецы собирали в Перыни старейшин, — начал Сигват.

Мальфрид вспомнила лодки и челны на реке и отметила: это правда.

— Ты разве был там?

— Нет, но меня уведомил Храбровит. Я знаю, о чем там говорилось.

— О чем же?

— О том, что если дожди не прекратятся и вторая половина лета не будет теплой, то мы все опять останемся без хлеба. у людей, которые сеяли на палах, был запас ржи, но теперь он подходит к концу. А те, кто сеял на притеребах, голодали уже прошлой зимой. Люди встревожены и не хотят нового неурожайного

лета. Они немало говорили о князе. Многие держатся мнения, что боги огневались на Святослава, который пренебрегает ими. Кое-кто даже завел речь о том, что если Святослав не станет уважать нас и заботиться, как подобает отцу о своих чадах, то поозёрам придется поискать себе другого князя...

— Другого? — Сванхейд наклонилась вперед. — Кого же это?

Как будто гость предложил вместо этого, слишком хмурого солнца поискать другое.

— Про это у людей еще нет согласия. — Лицо Сигвата омрачилось: видимо, поддержало его не так много старейшин, как он рассчитывал. — Жрецы предлагают послать на остров Буян в Велетское море, где живут самые мудрые старцы, ведающие былое и грядущее, за советом.

— Очень здравая мысль! — с едва уловимой насмешкой отметила Сванхейд.

— Уж куда лучше! — согласился Бергтор. — Туда одной дороги с полгода, а в таком деле главное — не спешить...

— Но пока у нас *нет* князя, — не без яда в голосе продолжал Сигват, — людей очень волнует неурожай. Говорили, что мы должны сами умерить гнев господина Волха. И для этого у нас есть средство, за которым не надо ездить на остров Буян. Не зря же каждую весну для Волха выбирают невесту. Люди склоняются к мысли, что настал срок отослать ее к жениху, дабы порадовать его и вымолить милость.

Почувствовав, что все вдруг воззрились на нее, Мальфрид очнулась. Речи Сигвата навели ее на воспоминание: земля Бужанская, Бабина гора, седой старик, на чьем белом лбу как будто всегда лежал небесный луч.

«На синем-море окияне стоит остров Буян, — рассказывал ей старик, чье имя она позабыла. — На острове на Буяне лежит нарочитая змея Македоница, всем змеям мать. На том острове сидит на осоке зеленой птица, всем птицам старшая; стоит там Сыр-Матёр-Дуб, а на нем сидит Ворон Воронович, всем воронам старший брат, — как он встрепетается, все сине море всколыхнется...»

Не то чтобы она просила старика: он видел свою обязанность в том, чтобы обучать устройству мира всякого, кто к нему навещается. Но делать ей тогда было больше нечего, и она слушала, отдаваясь на волю вожатого, который своими слабыми глазами очень ясно видел все эти дива. Тот исток, где зарождается все сущее на свете: птицы, рыбы, звери...

— А.. Что? — Мальфрид вдруг обнаружила, что все в гриднице смотрят на нее и чего-то ждут. — Ты что-то приказала, госпожа?

Вместо ответа Сванхейд перевела взгляд на Сигвата:

— И что же люди ответили?

— Ведогость сказал, что такое дело нельзя решить в один присест, нужно узнать волю богов, а для этого не всякий день пригоден. Что в тот день, когда боги отзовутся, он узнает, истинно ли Волхов желает получить свою невесту. Не хотел бы я быть вестником беды, но тебе, госпожа, следует обдумать... что ты будешь делать, когда из Перыни явятся за твоей внучкой, чтобы отдать ее Волхову.

— Что значит — отдать? — спросила Мальфрид.

Ей не полагалось задавать вопросы, но дело уж слишком близко касалось ее. А все остальные молчали.

— Неужели родичи не рассказали тебе, зачем для Волхова всякий год избирают невесту? — удивился

Сигват. — Госпожа, твоя внучка не знает, какая честь ей предстоит?

— Этого не бывало уже много лет, — неохотно ответила Сванхейд. — Очень много. Лет пятнадцать, да, Шигберн?

— Это случилось в последний раз четырнадцать лет назад, — с готовностью уточнил Сигват. — Я послал спросить у Ведогостя, уж он-то знает. Он сам и отвозил ту девушку на середину реки, откуда она сошла в волны со связанными руками, чтобы быстрее пойти ко дну. Ты, наверное, помнишь, какое было тяжелое лето: сперва страшное половодье, когда смывало селения, а потом сплошные дожди.

— На новое лето Святослав к нам и приехал, — припомнил Шигберн. — Тогда и смиловались боги.

Сванхейд поджала губы: она вспомнила те дни и встревожилась еще сильнее. Появление двенадцатилетнего Святослава, присланного отцом, поозёры приняли как знак возвращенной милости богов. И воспоминания эти были уж очень некстати.

— И я слышал, кое-кто поговаривал, что если Волх получит невесту, то взамен пошлет нам и князя, — закончил Сигват. — Прежнего или нового — это нам пока неизвестно. Но у богов уж верно есть для нас то, в чем мы так нуждаемся!

Мальфрид слушала его почти спокойно — как ей казалось, хотя в груди похолодело. Она и правда не знала.. никто ей не поведал, *для чего* Волх выбирают невесту. Она думала, что от нее требуется только участие в купальском обряде, а после того до новой весны ей предстоит лишь верховодить на супрядках. Но Сигват же сказал.. Та девушка.. сошла в волны со связанными руками, чтобы быстрее пойти ко дну..

Какая «та девушка»? На которую в ту злосчастную весну указала кость со стрелкой?

Чем яснее Мальфрид осознавала услышанное, тем неуютнее ей становилось. Как будто холодная бездна растворилась вдали, но с каждым ударом сердца придвигалась все ближе. Где-то внутри усиливалась зыбкая дрожь. Не так уж трудно было доплыть от лодки, уведенной лишь на перестрел, до берега. Но совсем иное — когда увезут на середину близ озера, откуда берега едва видны... и бросят со связанными руками, чтобы быстрее... Там уже никто не захочет, чтобы она выплыла. Выплывать будет нельзя...

Перед глазами встало лицо Дедича, без слов призывавшего ее: очнись! В этот раз будет иначе... Он заворочит ее так, что она заснет наяву. И проводит... к властелину северных вод...

Мальфрид глубоко дышала — ей не хватало воздуха. Но обратиться к ней сейчас кто-то с вопросом — не сумела бы ответить даже, как ее зовут. Мысли растворились, оставив в голове холодный туман.

— Не будем спешить, — сквозь этот туман донесся до нее голос Сванхейд. — Боги еще не явили своей воли. Не будем опережать ее догадками.

— Ха! Не думается мне, что Перынь упустит случай проявить власть даже над такими знатными семьями, как наша, — настаивал Сигват. — А заодно постарается успокоить народ. И чем дожидаться, пока грянет гром, нужно уже сейчас думать, что мы будем делать.

— У меня есть кое-какие мысли. — Сванхейд наконец взглянула на помертвевшую Мальфрид и успокаивающе кивнула ей. — Пока человек жив, не стоит его хоронить.

— Я мог бы оказать тебе поддержку. Этим летом я набрал новых людей в дружину и скоро буду располагать более внушительными силами. И если мы с тобой договоримся, ты можешь быть уверена — я стану защищать невесту моего сына, словно родную дочь.

Более откровенного предложения трудно было придумать. Мальфрид смотрела на прабабку, ожидая ответа. В годы молодости Сванхейд, как та рассказывала, Олав держал по семь-восемь десятков дружины — целое войско. Но с тех пор, как сбор дани и охрану торгового пути взял на себя Вестим, в Хольмгарде такие силы стали не нужны, да и не окупили бы своего содержания. Часть хирдманов, кто не имел семьи и хозяйства, Тородд три года назад увел с собой в Смоленск. В Хольмгарде остались те, кто сумел осесть, иные даже выкупили себе пашни. у Сванхейд при дворе было всего полтора десятка отроков для охраны, из них десять уехали с Бером в Ладогу. Торговые люди с сильными дружинами, возившие ее товары в Царьград и за Варяжское море, летом все находились в разъездах. Население Хольмгарда почти целиком состояло из потомков таких же хирдманов, которые в разное время сумели обзавестись хозяйством, из ремесленников и торговцев. Оружие, порой еще дедовское, среди них имели многие, и Сванхейд могла бы в случае беды собрать отряд из нескольких десятков человек. Но не хотелось и думать о войне с той самой волостью, что полтора года лет жила под рукой хольмгардских владык.

Именно поэтому противостояние будет особенно страшным, пришло в голову Мальфрид. С детства она немало слышала о подобных предметах и знала: никому не мстят так жестоко, как бывшему господину, утратившему силу. И раз уж так вышло, что выбор Волха

пал на девушку из Хольмгарда, старейшины и жрецы с двойной готовностью признают, что пришел срок порадовать божество такой сладкой жертвой.

На лице Сванхейд сквозь личину деланого спокойствия просвечивало огорчение, но не удивление. Слова Сигвата ничуть ее не поразили. Она сразу поверила его известиям. А значит, нет надежды, что Сигват лишь запугивает их, пытаясь добиться своего.

Мужчины молчали, ожидая слова госпожи.

— Да, очень жаль, что внука моего нет дома, — сказала наконец Сванхейд. — Мой внук Берислав при всех его достоинствах отличается порой лишней горячностью и прямоотой. И ты знаешь, Сигват, что он сказал бы тебе сейчас?

Бер! При мысли о нем Мальфрид испугалась чуть ли не сильнее, чем за себя. Пока он жив, никакой Ящер ее не получит. И в двойной ужас ее повергала мысль, что ей придется утащить за собой в озеро и Бера, потому что он не смирится с такой участью для нее.

— Он сказал бы, — не повышая голоса, Сванхейд наклонилась вперед, — что ты сам все это и затеял, Сигват. Что ты через Храбровита навел людей на мысль о жертве. И сделал ты это для того, чтобы вынудить меня отдать тебе мою правнучку. Деву из Хольмгарда, наследницу наших властных прав. С такой женщиной в роду ты и правда мог бы требовать, чтобы тебя признали князем в Поозёрье, каким был твой дед Хакон. Возможно, ничего бы и не вышло. Но без моего согласия не выйдет уж точно.

— Ты понимаешь, что все мы на полном парусе мчимся к гибели! — Сигват и не пытался возражать ей. — Святослав бросил эту землю, но требует дани и войска! Боги гневаются на него! Люди оскорблены!

Они ухватятся за возможность порадовать Волха и отмстить вашему роду за все: за прошлое и настоящее! За убийства их старых князей! И Призор с его родом! И Будгощ! И Люботеш! Их дедов убили, их сыновей и внуков увезли в Киев в тальб у — теперь они припомнят нам все! Ты увидишь — через день-другой они все придут сюда и потребуют эту деву! — Не глядя, он ткнул пальцем в сторону Мальффрид. — Как ты будешь ее защищать? У вас даже вал почти рассыпался, его коза перейдет! А дружины у тебя нет! Ты готова сгубить внучку ради своего упрямства? Я не знаю, как тебя уговорил тот прохвост, что приезжал из Киева двадцать лет назад, из-за чего ты все отдала Ингвару! И вот как он и его сын тебя отблагодарили!

— Замолчи, Сигват! — Сванхейд больше не могла его слушать. — Из-за своего глупого тщеславия ты натворил бед своими руками, а обвиняешь меня!

— Не я посылаю этот дождь, — Сигват ткнул за оконце, — и не моя вина, что Святослав думает о каких угодно чужих землях, только не об этой, где зародились все его права на власть! Он неугоден богам, отсюда все беды! Я предлагаю тебе средство спастись — убережешь от смерти твою деву, восстановишь силу и власть нашего рода здесь, в Гардах! Я знаю, что твое упрямство крепче, чем лоб великана, но уже очень скоро ты пожалеешь об этом!

— Я никому не позволю меня запугивать! — Сванхейд вышла из терпения. — И уж тем более тебе! Убейся и плети себе удавку где-нибудь в другом месте!

— Я уйду! — Сигват вскочил. — Если ты желаешь погибнуть, то гибни без меня! А я сделал все что мог! Никто не обвинит меня, что я не старался спасти своих родичей. Но никто не спасет обреченного!

Оба его спутника с пристыженными и огорченными лицами встали тоже. Доброта уже не улыбался и ловил взгляд Мальфрид, но она не глядела в его сторону.

Когда Сигват и его родичи ушли, Мальфрид обессиленно опустилась на лавку. Все ее тело одеревенело, но она не замечала.

— Я знала об этом. — Сванхейд повернулась к ней. — Уже два дня. Он сказал правду насчет Перыни. Но не думай, что все пропало. Боги могут и не дать соизволения на жертву. А если дадут — я тебя выкуплю. Мы подберем рабыню или даже свободную девушку. За пять мер жита или две-три коровы многие отцы дадут дочь, чтобы тебя заменить. Они получат спасение от голодной смерти, а дева — почетную участь.

— Ну а если что, можно увезти девушку в Ладугу, — подхватил Бергтор. — Это далеко, воевода Ингорь ее не выдаст.

— У него дружина хороша, — вздохнул Шигберн. — И стены там крепкие, каменные.

«А еще там Бер», — откликнулось что-то в душе Мальфрид на эти слова.

Но нет. Мысль о Бере она отогнала. От беды, которая ей грозила, он не в силах ее спасти. Ища у него спасения, она только погубит его заодно с собой.

— Я думаю, — начала Сванхейд, — мне самой стоит поговорить с кем-то из жрецов. *До того*, как они обратятся к богам и получают ответ. Постараюсь убедить их, что... Ведь не только Сигват жаждет взять в семью деву нашего рода. Если иного выхода не будет, мы заставим соперничать с Ящером кого-то из... более живых женихов.

— Ты думаешь, кто-то из старейшин посмеет отбивать ее у Ящера в ее год? — усомнился Торкиль.

— Никогда о таком не слышал, — покачал головой Шигберн.

— Я тоже. — Сванхейд вздохнула и не без труда поднялась со своего резного кресла: новые заботы тяжело легли на старые плечи. — Но пока я не вижу другого пути, попробуем этот. Не печалься, моя дорогая.

Она обернулась к Мальфрид и знаком подозвала ее к себе. Мальфрид подошла, и старуха обняла ее, пригнула ее голову к себе на плечо. Мальфрид для этого пришлось согнуться — она с удивлением обнаружила, что переросла прабабку. А казалось, Сванхейд выше на голов у — так величественно она держалась.

От платья Сванхейд веяло греческими благовониями — теми, что умиротворяют и одновременно воодушевляют, наполняют приятным чувством превосходства, создают ощущение роскоши и приволья, будто сидишь на вершине горы, откуда весь белый свет тебе открыт. Мальфрид знала эти запахи по Киеву — княгине Эльге всякий год привозили из Царьграда благовония, и все ее лари благоухали этим. А уж она порой отсылала их в дар свекрови. Сейчас они и будоражили в Мальфрид давние воспоминания, и внушали веру в себя. Наш род — могуч, знают его и в Свеаланде, и в Корсунни, и в Таматархе, и в Царьграде, и даже на неведомом острове Крит. Мы не дадим погубить себя каким-то серым тучам над Волховом.

Девушка чувствовала, как слабы обнимающие ее руки. Но понимала и другое — какая сила духа стоит за этой слабостью старого тела. И отгоняла слезы, от страха просившиеся на глаза. Она тоже не с дерева слетела. Она — родная кровь Сванхейд, веточка от того же несокрушимого ясеня. Она никому не покажет слабости духа и стойко встретит судьбу, какой бы та ни была. Даже если ее бросят в воду со связанными руками.

Следующий день новостей не принес. Сванхейд позвала к себе Бергтора: кузнец раскидывал руны, и вдвоем они пытались истолковать советы богов.

— Эти дела не делаются быстро, — успокаивала Сванхейд свою правнучку. — Дева знатного рода — не курица, чтобы ее можно было зарезать в любой день, если кому-то захочется. В тот раз, пятнадцать лет назад, даже когда боги дали знак, что желают головы человечесьей, в Перыни собирали «большое вече», со всех до одного родов, допущенных к принесению жертв. И люди не так уж охотно поддерживают такие дела. Каждый понимает: следующее лето тоже может выпасть плохим, и тогда на месте этой девушки окажется его дочь или будущая невестка. Никто не хочет, чтобы головы человечесьей отдавались в жертву *легко!*

Мальфрид старалась держаться достойно, и в гриднице это ей удавалось. Но при мысли о Колоске — а о нем она думала почти постоянно — в душе поднималась буря. Ее тянуло к ребенку — ведь может случиться, что через несколько дней он потеряет ее навсегда! Даже не сумев сохранить в памяти лицо своей настоящей матери! Но стоило ей увидеть чадо, как мужество ее покидало. И Мальфрид уходила, чтобы рвущиеся наружу рыдания не мешали ей размышлять.

Она не могла просто сидеть и ждать: какую волю явят боги, как ее истолкуют в Перыни? Удастся ли Сванхейд «договориться», как она обозначала сложное сочетание подкупов, лести и угроз, которые могла применить к людям, имеющим влияние на дело.

А непогода продолжалась. День за днем серые небеса набрасывали на землю-мать легкую, прохладную водя-

ную сеть. Даже на мостках двора стояли лужи. Стоило дождю прекратиться, Мальфрид с надеждой всматривалась в небеса, но голубые оконца среди туч скоро затягивало снова.

Конечно, затворить ли небесные источники или дальше держать их открытыми — это воля богов. Но здесь, на земле, жизнь и смерть Мальфрид зависят по большей части от жрецов. Все они происходили из местных старых родов и имели в них большое влияние. Взяв день на раздумье, Сванхейд намеревалась пригласить к себе одного-другого и вызнать их мнение, пока последний жребий не брошен.

— Теперь жалею, что не настояла до сих пор на женьтибе Бера, — вздохнула как-то Сванхейд.

Мальфрид удивленно посмотрела на нее. Она уже знала, что ее прабабка никогда не принимает решений, не взвесив всех обстоятельств, а потом никогда не жалеет о решенном и сделанном.

— Если бы он сейчас был зятем Призора, или Сдеслава, или даже самого Видогостя — у того есть две взрослые внучки, — мы имели бы мощную поддержку в самой Перыни, а заодно в Словенске и в Трояни. Они не могли бы все объединиться против нас, кто-то держал бы нашу руку. А теперь даже Сигват благодаря своим сватьям может оказаться сильнее.

Сванхейд, проведя на берегу Волхова больше пятидесяти лет, знала жрецов и старейшин всю их жизнь, некоторых — с рождения. Мальфрид же пока была знакома только с одним Дедичем, с другими ей не доводилось разговаривать. При мысли о нем ее души легким веянием касалась надежда, словно невидимая птица кончиком крыла.

«Я не хотел тебя сгубить... — сказал он ей у костров. — Ты сама себя заворожила...»

Не стоит полагаться на его доброту, убеждала себя Мальфрид. В тот вечер ей показалось, что он смотрит на нее с одобрением... и даже больше того. Но дело в том, что никто не хочет утопить невесту Волха в самый купальский вечер. Ее берегут для такого случая, когда жизнь ее станет выкупом за благополучие всех словен поозёрских. Именно поэтому Дедич пел ей «Зайнку», будто на супредках, и старался разбудить от собственных чар. А не потому, что она прельстила его своей красотой. Мало ли он таких повидал...

Ей случалось встречать Дедича и на супредках. Раз или два. В минувшую зиму Мальфрид еще мало кого знала в округе, и все вечера смешались у нее в памяти, лица поначалу сливались в одно. Она помнила, как Дедич сидел с гусями на коленях, тесно окруженный девками. Тогда она и не сразу поняла, кто он такой и почему явился, зрелый муж, к Веленице на собрание девок и парней. Хотя, увидев гусли, догадалась — человек не простой. Но тогда Дедич приходил просто ради веселья: играл плясовые, пел что-то задорное...

Он рассказывал сказку! Мальфрид вдруг вспомнила кое-что, о чем успела позабыть, хотя в тот вечер была немало взволнована.

«Жили-были два брата», — начал Дедич, и девки мигом стихли, не дожидаясь даже оклика от строгой Весени.

Тогда Мальфрид еще не понимала, почему девки смотрят в рот этому мужчине с темно-русыми волосами и рыжей бородой, а теперь поняла: девки-то сызмальства знали, что в его руках может оказаться жизнь и смерть любой из них. Молодым и задорным весело

бывает заигрывать со смертью, вот они и норовили чуть ли не сесть к нему на колени.

— Раз пошли они в лес ловы деять, убили медведя. Сняли шкуру, высушили. Из братьев старший был горазд на рожке играть, а младший — плясать. Вот младший и говорит: давай, брате, я шкуру надену, буду плясать на игрище, а ты играть. Так и сделали. Младший оделся медведем, пришли они на игрище, старший играет, младший пляшет, да так ловко, и не скажешь, что человек — медведь как живой и есть. Увидал это князь и говорит старшему брату: оставь мне твоего медведя на три дня. Тот не хотел было, а младший брат ему шепчет: оставь меня, не бойся, посмотрим, что будет. Тот согласился, только сказал: корми, мол, медведя тем же самым, что сам ты ешь. Отвел князь медведя к себе на двор.

Утром взял князь медведя и повел его в лес. Шли, шли, весь день шли, а под вечер приходят к озеру. Взял князь ветки, начал бросать на воду крест-накрест — и вдруг глядь, высохло озеро. Прошли они по сухому дну до самой середины, а там дверь в земле. Отмыкает ее князь, а там лестница вниз ведет. Спустились они и видят — дом под землей хороший, весь разубранный, красивый. Сидят в том доме двенадцать девушек, а одна — самого князя единственная дочь. Он ей и говорит: вот, дочка, привел я тебе забаву, медведь пляшет ловко. Стали девки петь, медведь плясать, все смотрят, смеются. Вот стала дочь князя просить: оставь мне, батюшка, медведя хоть на три денечка. Князь не хотел было, да она уговорила его. Оставил он медведя и ушел. Вот стала княжеская дочь медведя гладить, задела узел на шкуре. Она и говорит: это не медведь, это человек! Тут

упала с него шкура, и вышел из нее парень молодой. Стали они с ним жить...

Словенские девы слушали, и по мечтательным их лицам было видно, что каждая рисует себе, как из косматой медвежьей шкуры появляется молодой красивый парень... Лишь Мальфрид сидела, опустив глаза, в ознобе от волнения. Никто здесь не ведал, что с нею это было не в сказке, а наяву. Только не медведь приходил к ней в тайное жилище в глухом лесу, а она сама пришла в дом медведя. И добилась, чтобы он снял шкуру и предстал перед нею в человеческом облике. Без трех месяцев год она была женой того медведя. Но и об этом, как и о причине ее лесного заточения — ребенке, знали на Волхове только Сванхейд и Бер.

Подняв глаза, она наткнулась на внимательный взгляд баяльника и поспешно отвернулась. Он так смотрит, будто что-то знает! Но нет, убеждала себя Мальфрид, дрожащей рукой вытягивая нитку из кудели. Он не может ничего о ней знать. Тайна останется при ней, если она сама себя не выдаст.

Она выпрямилась, стараясь принять величавый, непринужденный вид. Эка невидаль — сказка...

Переезд в Хольмгард, все здешние впечатления вытеснили было из памяти Мальфрид жизнь с Князем Медведем, но в тот вечер, слушая Дедича, она вспомнила те дни необычайно ясно. И как испугалась, впервые увидев позади себя медведя, как постепенно привыкала к нему, как он высвобождался из шкуры, пока не сбросил ее совсем... Она-то понимала: не простую сказку Дедич рассказывает, не для пустой забавы. Сюда, на Волхов, веками доходили известия о поклонении чурам в облике медведя. А может, подобные обычаи и обряды были здесь и свои. Чудь, живущая окрест, тоже почитает

своих предков в образе медведя. Бер рассказывал, что чудины, убив на охоте медведя, устраивают целый пир с плясками, где почетный гость — голова зверя.

Но сейчас, думая обо всем этом, Мальфрид вспомнила и другое. Ведь Князь-Медведь тоже рассказывал ей порой сказки, и среди них одна — про мужа-змея. Прото, как змей утащил в воду купавшуюся девку и сделал ее своей женой... Видно, и в Плесковской земле что-то слышали про обычай избирать невесту для Волхова... Но что толку вспоминать сказки, одергивала себя Мальфрид. Сказками горю не поможешь.

Раз, войдя в гридницу, она увидела возле Сванхейд Шигберна и еще двоих длиннородых стариков — старейшин небогатых весей, которые брали в Хольмгарде навоз. Четверо о чем-то совещались вполголоса; на вошедшую Мальфрид старики взглянули такими дикими глазами, что она смутилась и предпочла выйти.

Когда старики убрались восвояси, Сванхейд послала за ней; Мальфрид сразу заметила, что госпожа держится бодрее прежнего.

— Они предложили нам свою девку на замену тебе.

— Как это? — не поверила Мальфрид.

— У них, как они сказали, девок-то народивше, а хлеба на всех не хватает. Если дойдет до жертвы, то за пять мер ячменя или двух коров они дадут нам молодую девку, чтобы ее отправили к Ящеру вместо тебя.

— О боги! Как же им не жалко... своя же...

— Если будет неурожайный год, у них перемрет куда больше — и девок, и парней, и малых детей, и старых стариков. Так что они не жестоки, а лишь пытаются сбересть как можно больше своих. Главное, чтобы в Перыни согласились на замену.

— А они согласятся?

— Не знаю. Дева такого рода, как ты, стоит как три простых. Могут сказать, что если уж Ящер выбрал тебя.. Но надежда есть.

Хоть Сванхейд и старалась утешить правнучку, облегчение к Мальфрид не приходило. Даже если не она, то какая-то другая девушка пойдет к Волху на дно. Из Гремятицы, из Полюдова.. Сейчас она, эта неведомая Нежка или Снежка, ворошит где-то сено на прогалине. Радует, что дождь унялся, подбирает из срезанной травы водянистые, мокрые земляничины и знать не знает, какая гроза к ней идет. Она ведь не невеста Волха, чего ей бояться?

С этими мыслями Мальфрид и отправилась спать. Зашла в девичью, взглянула на Колоска. Мальчик спал, откинув кулачок, светлые волосы разметались, как пушистые лучи.. Холодная рука стиснула сердце. Что если жрецы и старейшины не согласятся на замену: выбрал Волх девушку из Хольмгарда, значит, ее и желает..

Что с Колоском станется без нее? Конечно, Сванхейд не даст пропасть старшему из своих праправнуков, будет растить, пока жива, или отошлет к Предславе. Но без Мальфрид никто не станет заботиться о том, чтобы мальчик сохранил свой род. Никто не вспомнит, что Колосок — сын киевского князя, никто даже из тех, кто об этом знает. Он проживет жизнь под этим детским именем, вырастет без отца и матери, без роду-племени. Только и останется ему, что оберег-спор, мешочек с зашитым колоском. Это ему-то, в чьих корнях столько могущественных княжеских родов с кровью богов в жилах! Затеряется он среди таких же безродных отроков — мало ли Мальфрид их повидала! — и сложит голову в каком-нибудь походе, даже не зная, что должен сам водить дружины.. А пока он мал, она, мертвая

мать его, будет блазнем приходиться в ночи, тайком пробираться неслышными стопами и укачивать его... Если Ящер отпустит...

Прикусив губу, Мальфрид ушла в Торродову избу. Без Бера та стояла пустая. Мальфрид улеглась на его лежанку, вдохнула знакомый запах от подушки, и на сердце немного полегчало.

Дождь шуршал за оконцем, из щели под заслонкой по бревнам стены сползал влажный ручеек. Опять дождь! В нем все дело! Волх-Ящер хмурится, вот его и хотят задобрить девой молодой. И что он будет с нею делать — когда она упадет на дно в пышном свадебном уборе, венке и со связанными руками?

Натянув до ушей одеяло, Мальфрид закрыла глаза, но сон не шел. Так и мерещилось, что вокруг нее смыкается та красновато-бурая холодная вода... Уходит все дальше серебряное небо, и лишь пузыри от последнего ее вдоха стремятся к нему вверх, а ее затягивает вниз, вниз, в придонный мрак... Овевают ее сильные струи, сковывают смертной стужей, и в холоде воды мерещатся объятия змеиного тела...

Волх встретит ее в облике змея? Как в сказке, что рассказал Князь-Медведь? Нет, тот жених из воды был змеем только на берегу, а в реке стал молодцем. Это всегда так: в человеческом мире волшебный муж имеет облик зверя, а своей родной стихии — человека. Когда она очутится на дне Волхова, божество реки встретит ее в облике мужчины...

Каким будет этот облик? С кем схож? Первым на ум ей пришел Дедич — тот, чьим голосом Волх-молодец манил и ласкал ее в лодке, в Купальский вечер.

Если так... Если бы было так! Если Волх придет к ней таким... и то слабое утешение.